

В. К. ГАРДАНОВ

ГОСТЕПРИИМСТВО, КУНАЧЕСТВО И ПАТРОНАТ У АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Народы Кавказа издавна славились своим гостеприимством. Оно воспето поэтами, подробно описано путешественниками, прочно заняло определенное место в кавказоведческих этнографических работах и на первый взгляд кажется настолько хорошо известным обычаем, что как будто бы и не нуждается уже в какой-либо дополнительной характеристике или специальном исследовании. Однако это не совсем так: в кавказоведческой литературе выявлены и объяснены далеко не все стороны и не все формы этого весьма сложного по своему характеру общественного института. Восполнить этот пробел — задача данной статьи, основанной главным образом на адыгском (черкесском) этнографическом материале XVIII и первой половины XIX в.¹

«Гостеприимство — добродетель, свято чтимая у древних, сохранилась и поныне на Кавказе, а в особенности у черкес (адигэ)» — писал в 1859 г. Л. Я. Люлье². Это замечание весьма вдумчивого наблюдателя адыгского быта подтверждается не только многочисленными свидетельствами других авторов, хорошо знавших Кавказ и близко знакомых с адыгами, но и самими адыгами. «...Искони этот народ славился гостеприимством и почитает его за величайшую добродетель», — читаем мы в «Записках о Черкесии» Хан-Гирея (1836 г.), — первом этнографическом труде об адыгах, написанном их соплеменником³. То же самое сообщает и Ш. Б. Ногмов в своей «Истории адыгейского народа», составленной в 40-х годах XIX в. Говоря о традиционном адыгском гостеприимстве, знаменитый адыгский историк подчеркивает: «Память прежнего гостеприимства сохранилась в преданиях.... Несмотря на все бедствия и политические перевороты, эта добродетель не ослабла и поныне»⁴.

Чрезвычайно строгое соблюдение адыгами обычая гостеприимства зафиксировано и сборниками адатов, составленными в первой половине XIX в. Так, в сборнике адатов А. А. Кучерова (1845 г.) указывается: «Гостеприимство у черкес считается первейшей добродетелью, и гость у них, кто бы он ни был, есть особа неприкосновенная...»⁵.

¹ В литературе и источниках XVIII и первой половины XIX в. адыги обычно именовались черкесами и потому эти этнические термины употребляются в данной работе как синонимы.

² Л. [Л. Я. Люлье], О гостеприимстве у черкес, газ. «Кавказ», 1859 г., № 7, стр. 33.

³ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», СПб., 1836, ч. II, л. 107 об. (рукопись, хранящаяся в библиотеке Центрального государственного военно-исторического архива в Москве).

⁴ Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа, Нальчик, 1956, стр. 30.

⁵ Ф. И. Леонтович, Адаты кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1882, стр. 125.

Несмотря на то, что адыгское общество давно уже раскололось на классы и стало феодальным⁶, гостеприимство и в первой половине XIX в. являлось у адыгов обычаем, в одинаковой мере соблюдаемым различными классами. «Гостеприимство есть одна из важнейших добродетелей черкесов всех сословий... Беднейшие сословия так же гостеприимны, как и высшие...» — констатировал в 1849 г. К. Ф. Сталь⁷.

Недостаточно ревностное исполнение обычая гостеприимства считалось у адыгов большим пороком и подвергалось всеобщему осуждению и насмешкам. Зато ничто в такой степени не способствовало популярности и высокой общественной репутации в горах, как слава о гостеприимстве данного лица.

Широкое развитие гостеприимства у адыгов и других кавказских горцев находило, в частности, свое отражение в таком факте, как наличие у каждого горца специального помещения для гостей, которое известно в кавказоведческой литературе под именем «кунацкой». У состоятельных адыгов было принято строить даже отдельный дом для гостей, который, как правило, располагался вне ограды хозяйского двора, чтобы всякий приезжий мог без стеснения и затруднений заехать в этот дом⁸. Такой «гостинный дом» (*хьэщлэщ*, *хьэклэш*), как он назывался у адыгов⁹, строился в наиболее удобном месте данной усадьбы, имел свой особый дворик, огороженный частоколом или плетнем и нередко обсаженный деревьями. При гостинном доме обычно была и своя конюшня, а за его оградой был врыт ветвистый обрубок дерева для привязывания лошадей, если приезжий днем ненадолго останавливался в этом доме. Над такой коновязью устраивали небольшой круглый навес для предохранения седла от дождя, а лошади от зноя.

Внутреннее убранство гостинного дома включало лучшую часть домашней обстановки, имевшейся у хозяина. Это прежде всего были ковры, циновки и постельные принадлежности (тюфяки, подушки, одеяла). Необходимой принадлежностью каждого гостинного дома были музыкальные инструменты, чаще всего — двухструнная скрипка и двенадцатиструнная арфа¹⁰.

⁶ Господство феодальных отношений в Черкесии засвидетельствовано в известном описании Георгия Интериано, относящемся к концу XV в. (См. G. Interiano, *La vita et sito de Zychi chiamati ciarasssi, historia notabile*, Venezia, 1502).

⁷ К. Ф. Сталь, Этнографический очерк черкесского народа, «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 135.

⁸ Устройство дома для гостей вне ограды главного двора усадьбы, где находился жилой дом семьи хозяина и располагались различные хозяйственные постройки, было в XVIII — первой половине XIX в. обязательным для феодалов (князей и дворян — уорков) и обычным для большинства свободных крестьян Черкесии. Хан-Гирей по этому поводу пишет: «Повторим еще: ...гостеприимство есть неотъемлемая принадлежность черкесов. Дела лучшие доказательства слов: не говоря уже о высшем классе, который, не заботясь о собственном покое, строит приют для гостей, но и в простом классе народа поставляют себе первым долгом иметь особый дом для гостей» («Записки о Черкесии», ч. II, л. 110 об.).

⁹ Широко распространенное заблуждение, что у адыгов (черкесов) дом для гостей назывался «кунацкой», было в свое время отмечено и исправлено Хан-Гиреем, который в «Записках о Черкесии» писал: «Гостинные дома черкесами называются *хатчеш* (жилище гостя); слово же *кунацкое* есть татарское, но русские на Кавказе нередко употребляют это название, полагая, что оно черкесское» (ч. II, л. 155). Л. Я. Люлье в своей статье «О гостеприимстве у черкес» нигде не употребляет слово «кунацкая», заменяя его «гостинным домом» — точным переводом соответствующего адыгского термина (в принятой Люлье транскрипции — *гхаджеупс*), который им дается и в русско-черкесском словаре (см. «Словарь русско-черкесский или адигский», составлен Леонтием Люлье, Одесса, 1846, стр. 46).

¹⁰ Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, СПб., 1871, т. I, кн. I, стр. 69—70.

По единодушным показаниям источников характерной особенностью гостеприимства кавказских горцев вообще, а адыгов в особенности, было значительное сохранение в нем вплоть до середины XIX в. архаических черт. Л. Я. Люлье в цитированной уже статье «О гостеприимстве у черкес» утверждает это даже с излишней категоричностью: «Время, этот истребитель постановлений человеческих, протекло без разрушительных последствий для гостеприимства, которое существует у горцев во всей простоте и чистосердечии прежних веков»¹¹. Более осторожно, с определенными оговорками, указывает на то, что гостеприимство у черкесов «несокрушимо противоборствовало» времени, и Хан-Гирей¹².

В отличие от более поздних форм этого обычая, гостеприимство горцев Кавказа, и в частности адыгов, распространялось не только на знакомых и друзей хозяина дома, но и на всякого путника, ищущего ночлега или приюта. Именно *право* совершенно незнакомого человека остановиться в качестве гостя в любом доме и безусловная *обязанность* хозяина оказать ему самый радушный прием и предоставить все необходимое — вот что прежде всего характеризовало обычай гостеприимства у адыгов и других кавказских горцев в рассматриваемое нами время.

«В Черкесии, — пишет Хан-Гирей, — путник, томимый голодом, жаждою и усталостью, везде обретает гостеприимный кров: хозяин дома, где он остановится, встречает его радушно и, не будучи с ним вовсе знаком, прилагает все возможное старание его успокоить, даже не спрашивая, кто он таков, откуда и зачем едет, доставляет ему все нужное»¹³.

Уже сама по себе возможность всякому проезжему человеку остановиться в незнакомом для него доме, там, где застанет его ночь или непогода, будучи уверенным, что его примут с охотой и без всяких отговорок, делала гостеприимство очень важным и необходимым обычаем у горцев, не имевших в то время ни гостиниц, ни постоянных дворов, ни каких-либо других учреждений, обслуживающих путешественников.

Распространенное в Черкесии гостеприимство имело то существенное преимущество перед принятой в других странах системой обслуживания путешественников, что здесь путник, превращаясь в приютившем его доме в гостя, получал от хозяина постель, пищу и все ему необходимое совершенно без всякого вознаграждения и мог оставаться в качестве гостя столько времени, сколько ему заблагорассудится. Это преимущество горского гостеприимства узнавали по личному опыту все иностранцы, посещавшие Черкесию, и, естественно, очень высоко его ценили. «Лучшее качество адыгов — это гостеприимство, — писал польский легионер Теофил Лапинский, проживший среди адыгов несколько лет в конце 50-х годов прошлого века. — Путник может проехать всю страну насквозь без копейки денег и нигде его не задержат и в каждом дворе, куда он зайдет, он найдет кров, постель и еду для себя, стойло и корм для своей лошади. Можно, не спрашивая позволения, сойти с лошади перед саклей для гостей и войти в нее — таков обычай. Сейчас же со двора приносятся матрацы, подушки, вода и полотенце, в камине зажигается большой огонь и хозяин дома и его семья прислуживают гостю... Ни один состоятельный путешественник не может быть

¹¹ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 32.

¹² «Записки о Черкесии. сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, л. 111—111 об.

¹³ Там же, л. 108.

лучше обслужен в европейском отеле, чем гость в низенькой адыгской сакле под соломенной крышей»¹⁴.

Гость мог при желании сохранять полное инкогнито, не сообщать хозяину ни своего имени, ни звания, не говорить, откуда и куда он едет и зачем. Спрашивать об этом гостя считалось неприличным. По обычаю хозяин лишь приветствовал вошедшего в его дом незнакомого гостя и не только не задавал ему никаких вопросов, но вообще не вступал с ним в длительную беседу, пока гость сам не начинал разговор.

Эту важную деталь адыгского гостеприимства тонко подметил М. Ю. Лермонтов в поэме «Измаил-бей». Возвращающийся на родину Измаил-бей поздней ночью, в поисках ночлега, подъезжает к сакле, в которой еще «светится окно». Навстречу путнику

«...Из сакли кто-то выбегает,
Идет — «великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает,
Кто здесь?» — Я странник! — был ответ.
И больше спрашивать не хочет,
Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный...»¹⁵

Даже справляться о здоровье незнакомого гостя, пока он не называл себя, было у адыгов не принято. Короче говоря, неизвестному лицу, вступавшему в качестве гостя в адыгский дом, с первых же минут его пребывания здесь давали понять, что он может говорить о себе лишь то, что сочтет нужным, и избавлен от назойливого любопытства. «В этом наружном равнодушии не следует видеть характерной черты нравов, — указывает Л. Я. Люлье. — Горцы так же любопытны, как и все вообще люди; но они почитают нарушением прав гостеприимства всякий вопрос, на который гостю было бы или трудно или неприятно отвечать. И так, совершенно противоположно обычаю других стран, путешественник без нарушений приличий может хранить молчание обо всем до него касающемся»¹⁶.

Чтобы не стеснять незнакомого гостя своим присутствием, хозяин, посидев с ним немного и поговорив вскользь о разных пустяках, удалялся под предлогом хозяйственных хлопот. Так повторялось несколько раз, пока хозяин не убеждался, что гость не тяготится его присутствием и не склонен к одиночеству.

Если гость, назвав себя, давал понять хозяину, что его приезд не должен составлять секрета, то кунацкая вскоре наполнялась людьми — членами семьи хозяина, соседями, которые всячески старались услужить гостю и развлечь его.

В тех случаях, когда гость являлся знакомым хозяина, весть о его приезде сразу же разглашалась и чуть ли не все родственники и соседи хозяина спешили в кунацкую приветствовать прибывшего, не оставляя его ни на минуту одного, так как это означало бы невнимание к такому гостю.

По горскому этикету гостю оказывались самые различные знаки высокого уважения и особого внимания. Гостя усаживали в кунацкой на самое почетное место. В присутствии гостя никто без его приглашения не садился. Сам хозяин соглашался присесть лишь после неоднократ-

¹⁴ Th. Lapinski, Die Bergvölker des Kaukasus..., Hamburg, 1863, т. 1, стр. 138—139.

¹⁵ М. Ю. Лермонтов, Собр. сочинений в четырех томах. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, т. 2, стр. 179—180 (курсив мой.— В. Г.).

¹⁶ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 33.

ных и настойчивых приглашений гостя. Сесть рядом с гостем, даже если он был молод, могли лишь наиболее пожилые и уважаемые лица из присутствующих; остальные же, как правило, стояли поодаль, располагаясь вдоль стен и поближе к дверям кунацкой. Как бы много людей ни находилось в адыгской кунацкой, присутствующие из уважения к гостю старались соблюдать полнейшую тишину. Большой неучтивостью считалось в присутствии гостя вести разговоры между собой. Лапинский, например, вспоминает, что во время его поездок по адыгской земле кунацкая часто до отказа была наполнена народом, который, однако, все же держался вдали от гостя, чтобы его не беспокоить, «и как хозяева, так и любопытные не позволяли себе в присутствии гостя сесть или разговаривать друг с другом, так как это считалось в высшей степени невежливым»¹⁷. После того, как гость начинал разговор, поддерживать беседу с ним могли только старшие по летам и по положению лица, прочие же присутствующие в кунацкой мужчины в разговор не вступали, а почтительно слушали, что рассказывает гость. Если гость выражал желание развлечься, то кто-либо из молодых людей брал в руки скрипку и, аккомпанируя себе, исполнял речитативом различные песни. Иногда, до того как подавалось угощение, чтобы развлечь гостя и скоротать время, молодежь устраивала танцы.

Гость, как правило, ел за особым столиком, один, и лишь после того как он отведал то или иное блюдо, оно передавалось по старшинству другим присутствующим в кунацкой. Гостю прислуживал за столом кто-либо из молодых людей — членов семьи хозяина или ближайших соседей (если у хозяина не было сыновей, живущих с ним младших братьев и т. д.). Хозяин же при этом следил, чтобы гость был за столом обслужен и накормлен самым лучшим образом.

Если гость приехал под вечер, то тотчас после ужина ему приготовляли постель и из кунацкой все удалялись, пожелав гостю спокойного отдыха, за исключением хозяина, который оставался при госте до тех пор, пока гость не начинал дремать или не уговорил хозяина идти тоже ко сну.

Мы не будем далее описывать во всех подробностях ритуал приема гостя, а лишь подчеркнем еще раз, что угождать гостю и выполнять его малейшее желание было первейшей заботой не только хозяина и его домохозяцв, но и всех односельчан, присутствовавших при приеме гостя. Однако на хозяина падала главная ответственность за прием гостя. От этого зависела, как мы уже указывали, его общественная репутация. «Мнение у черкес такое, что чем более он внимателен к гостям, тем более он заслуживает одобрения и уважения общественное, которое облечено в поговорку, что добрый хозяин должен доставить гостю сытный стол, хороший огонь и обильный фураж»¹⁸.

Большие усилия прилагались к тому, чтобы предоставить гостю возможно более разнообразную, вкусную и обильную пищу. Для этого каждый адыг старался заранее сделать необходимые запасы. «...Лучшая часть всего, что земледелец приобретает от трудов своих, сберегаема бывает на случай приезда гостей», — отмечает Хан-Гирей¹⁹. В XVIII — начале XIX в. у адыгов еще кое-где соблюдался древний обычай засеивать для гостей особое поле просом и выделять для их угощения часть домашнего скота²⁰.

¹⁷ Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1, стр. 139.

¹⁸ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 34.

¹⁹ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 110 об. — 111.

²⁰ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 35; Н. Ф. Дубровин в дополнение к этому сообщает, что у черкесов в прошлом было в обычае засеивать овсом отдельное поле для лошадей гостя (Указ. раб., т. I, кн. 1, стр. 76).

Когда появлялся гость, все лучшее, что было из продуктов в доме, ставилось на стол. Для гостя специально резали курицу или барашка, готовили различные блюда. Если у хозяина чего-либо не доставало для угощения гостя, он занимал нужное у родственников, соседей или других односельчан. Правда, это было не обязательно, так как обычай требовал, чтобы хозяин угощал гостя чем мог и никто не осуждал бедного человека, если он из-за нужды предоставлял гостю скромный стол. Скупость же состоятельного хозяина при угощении гостя, наоборот, покрывала его имя позором. Поведение такого хозяина характеризовалось у адыгов пословицей: «Ты ешь один (не делясь), как погайский князь»²¹. Но никто не хотел прослыть скупым и негостеприимным. Поэтому «у зажиточных людей ...все средства (были) употреблены на удовлетворение тщеславия хозяина и на поддержание славы его в хлебосольстве; род славы, которой черкесы дорожат»²². Однако при угощении богатым хозяином принималось во внимание социальное положение гостя. Незнатного человека угощали проще, чем знатного, для которого действительно ничего не жалели. «Число подаваемых блюд увеличивается с значением гостя», — отмечает Ф. Ф. Торнау. Описывая один из обедов, которым его угощали в Черкесии, Торнау подчеркивает, что был поражен разнообразием подававшихся блюд: «их было так много, что я не успел пересчитать. Обед состоял из вареной баранины, говяжьего отвара, разных яичниц, молока десяти различных приготовлений, вареных кур с подливкою из красного перца, жареной баранины с медом, рассыпного проса со сметаною, буйвожьего каймака и сладких пирожков». Зато число напитков было ограничено: «Черкесы пьют только воду, брагу или кумыс, так как вино запрещено им кораном»²³.

Подчас количество блюд, подававшихся почетному гостю, достигало фантастической цифры. Так, Л. Я. Люлье сообщает, что в 1827 г. один из натахайских старшин по имени Дешеноко-Темирок угощал приехавшего к нему из Анапы турецкого пашу обедом, состоявшим из 120 блюд²⁴.

Обязанности хозяина в отношении гостя у адыгов не ограничивались такими обычными услугами, как предоставление жилья, пищи, стойла и корма для коня и т. п. У адыгов, как и у других горцев, важнейшей обязанностью хозяина в отношении гостя было обеспечение его личной безопасности и сохранение всего того имущества, с которым гость прибыл в данный дом.

Гость был у адыгов, так сказать, лицом неприкосновенным, и хозяин прежде всего отвечал перед обществом за его безопасность. «Для нас, — указывал Ш. Б. Ногмов, — всякий путешественник, переступивший через порог сакли, есть лицо священное... Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземца, и кто не сумел сберечь гостя от беды или даже простой неприятности, того судили и наказывали. Хозяин должен был в случае необходимости жертвовать для гостя жизнью»²⁵.

Постъ с того момента, как его встретил хозяин, уже считался находящимся под его защитой. Внешне это выражалось в том, что едва только прибывший гость слезал с лошади, как хозяин снимал с него ружье, а после входа гостя в кунацкую хозяин освобождал его и от всего остального оружия, которое затем обычно развешивалось на сте-

²¹ Ср. К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 135.

²² Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 34.

²³ Т. [Ф. Ф. Торнау], Воспоминания кавказского офицера, «Русский Вестник», т. 53, 1864, № 10, стр. 419.

²⁴ Л. Я. Люлье, Указ. раб., стр. 35.

²⁵ Ш. Б. Ногмов, Указ. раб., стр. 30.

нах кунацкой, а иногда даже относилось в комнату хозяина. Последнее должно было еще более подчеркнуть, что хозяин берет на себя всю ответственность за безопасность гостя в своем доме²⁶.

«Вошедший в дом,— писал Хан-Гирей,— вступает во все права гостеприимства, под защиту родовых прав хозяина... Если кто оскорбит его (гостя.— В. Г.) или что-нибудь похитит у него, то хозяин за все вступается: обида, нанесенная гостю, равномерно обидна и хозяину, который жертвует жизнью и достоянием, стараясь доставить удовлетворение гостю, так же и себе, ибо не достижение этого приписывается его (хозяина.— В. Г.) слабости, унижающей до оскорбления его род. Гость случайный остается под такою же защитой до тех пор, пока не съедет со двора»²⁷.

Обязанность хозяина во что бы то ни стало защищать своего гостя и всячески помогать ему в его делах считалась безусловным правилом горского гостеприимства, из которого не делалось исключения даже для преступников или кровников.

Проиллюстрируем это примерами, заимствованными из старинного кабардинского сказания «Докшуко Бгуншоков», опубликованного в 1872 г. в шестом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах».

Известный предприимчивостью и храбростью адыгский уорк Докшуко Бгуншоков, будучи смертельным врагом кумыков, на земли которых он делал неоднократные набеги, решил пробраться в одно кумыкское селение, чтобы найти там полюбившуюся ему девушку. Докшуко не был знаком с этой девушкой и даже никогда не видел ее, но хотел обязательно на ней жениться, потому что она была замечательная мастерица изготовлять тетиву для лука. Весть о намерении Докшуко дошла до кумыков, и они установили по всем дорогам караулы, чтобы перехватить своего врага. Несмотря на это, Докшуко сумел незамеченным проехать в нужное ему селение. Зная, что в этом селении нет ни одного семейства, которому бы он не сделал какого-либо зла, Докшуко обратился к встретившемуся ему случайно пастуху с вопросом: «Кто здесь самый влиятельный и может, в случае надобности, принять на себя защиту от народного мщения злейшего врага?». Пастух указал на дом князя — владельца селения, которого Докшуко в свое время тяжело ранил и у которого похитил двух сыновей. Докшуко поспешно направился в указанный дом и, так как хозяин в это время отсутствовал (отправившись вместе с другими мужчинами караулить Докшуко), то Докшуко проник на женскую половину к хозяйке — княгине и (далее мы буквально передаем запись сказания), «не давая ей времени опомниться, сняв шапку и преклонив колено, сказал ей, что просит *сделаться ее гостем*²⁸. Княгиня, оправившись несколько, ответила: «Да будешь ты гостем Бога! В чем твое дело, против кого ты просишь моей защиты?». Докшуко старается тогда дать ей понять, что его дело слишком важно и потому он может открыться, только уверяясь, что его просьба будет исполнена. Княгиня отвечает, что до сих пор никто, просивший покровительства, не был изгнан *из дома, в котором она живет*²⁹, без исполнения его просьбы, и ни один гость не был дан еще в обиду, что и теперь, хотя самого хозяина нет дома, но она дает ему слово защищать его и быть ему полезной, насколько это будет доступно ей, женщине. Тогда Бгун-

²⁶ Н. Дубровин, Указ. раб., т. I, кн. I, стр. 71.

²⁷ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, л. 108 об.

²⁸ Т. е. даровать ему право на ее покровительство и защиту (примеч. издателя сказания).

²⁹ Ни фамилию, ни имя мужа или старшего в семействе жена не может называть и заменяет их имена подобными выражениями (примеч. издателя сказания).

шоков объявил ей свое имя и зачем он приехал. Пораженная княгиня сначала вне себя кинулась на него с ножницами в руках, однако тотчас же образумилась, говоря: «Аллах, аллах! Какое позорное дело я хотела совершить! Дом, до сих пор вполне безупречный, я едва не обесславил навеки, убив его гостя. Но какая женщина могла поступить иначе на моем месте? Похитив у матери сыновей, искалечив ее мужа, ты ко всему этому тайно пробираешься к ней и нагло, обманным образом, вырываешь у ней обещание в покровительстве и защите! Но да будет тебе судьбою Бог, избавивший меня от тяжкого позора; я же не властна судить тебя и, дав уже слово, обязана сдержать его...». И далее сказание повествует, что хозяйка дома, выполняя законы гостеприимства, скрывает у себя Докшуко и помогает ему похитить ее родную сестру, оказавшуюся той самой девушкой, которую разыскивал адыгский уорк³⁰.

Вскоре Докшуке Бгуншокову пришлось самому оказать содействие гостю весьма дорогой для чести адыгского уорка ценой. После того как похищенная кумычка стала женой Докшуки, он как-то под вечер встретил въезжавшего в его родной аул незнакомого горца. Приветствуя по обычаю приезжего, Докшуко предложил ему быть его гостем. Незнакомец ответил, что он приехал по важному делу и ищет дом Докшуки Бгуншокова. Докшуко, не называя себя, указывает приезжему свой дом и спрашивает, не может ли он быть чем-либо полезен гостю, «так как (цитирую буквально текст сказания.— В. Г.), встретив его первый, он (Докшуко.— В. Г.) считает его уже за своего гостя». Тогда гость рассказал Докшуке о причине своего приезда. Оказалось, что он был другом детства жены Докшуки, которая ему в свое время обещала, что если она выйдет за кого другого замуж, то по первому требованию своего друга изменит с ним своему мужу. Гость приехал, чтобы потребовать от жены Докшуки выполнения данного ею обещания. Верный долгу гостеприимства, Докшуко (по-прежнему скрывая свое имя) учит гостя, как ему следует поступить, чтобы ночью встретиться с его женой. Гость в точности следует советам Докшуки, встречается с его женой, которая по требованию гостя выполняет свое обещание (причем Докшуко за всем этим тайно наблюдает), и благополучно уезжает домой³¹.

Позднее Докшуко, не связанный более законом гостеприимства, мстит другу своей жены. Он отправляется в Кумыкню и убивает его³².

Приведенные фольклорные известия о гостеприимстве можно подтвердить и документальными данными.

5 ноября 1845 г. начальник 1-й части Черноморской кордонной линии подполковник Крижановский сообщил командующему войсками в Черномории ген.-майору Раншилю, что в одном из подведомственных 1-й части черкесских аулов «приехавший в гости (курсив мой.— В. Г.) к прапорщику Джамбулату Немирову аула Биберды Батокова дворянин Гаджубрам Наниж в ссоре ранил из пистолета пулею проживающего у прапорщика Магомета Тамбиева дворянина Гусейна Мелькошева», который от полученной раны умер. Когда присутствовавшие при этом корнет Карашай Седаков и прапорщик Магомет Тамбиев хотели

³⁰ «Кабардинская старина», «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI, Тифлис, 1872, стр. 15—17.

³¹ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI, стр. 21—22. В этом эпизоде несомненно наличествуют и элементы древнего гостеприимного гетеризма, на следы которого у адыгов указывает ряд бытописателей XVII—XVIII вв. См., например, *Relation du Sieur Ferrand...*, «Recueil des voyages au Nord», Amsterdam, 1718, т. IV, стр. 148; [Dubon], *Lettre à monsieur le marquis de Torcy...*, там же, т. X, 1738, стр. 401. Ср. также С. А. Егiazаров, Брак у кавказских горцев, «Юридический вестник», 1878, № 6—7, стр. 2—4.

³² «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. VI, стр. 23.

задержать убийцу и сообщить о происшествии начальнику близлежащего Александровского поста, то прапорщик Джамбулат Немиров помещал им это сделать, а сам «поспешно взял убийцу на лошадь и бросился к Кубани»³³.

Прапорщик Магомет Тамбиев, являвшийся покровителем убитого Гусейна Мелькошева, в поданной ген. Раппину жалобе более обстоятельно обрисовал действия Немирова, заступившегося за убийцу Гаджубрама Нанижа. По словам Тамбиева, «прапорщик Немиров укрыл его (убийцу. — В. Г.) в своем доме и не допускал к нему никого, а через несколько часов снабдил его своею верховою лошадью и сам уехал вместе с ним за Кубань, в аул прапорщика Биберады Батокова, где Гаджубрам имеет свое постоянное жительство»³⁴.

Вызванный на допрос к начальнику Александровского поста прапорщик Джамбулат Немиров показал, что после того, как Гаджубрам Наниж совершил убийство, он «вбежал в дом... (к нему. — В. Г.) и просил защиты, чтобы не быть взятым и представленным к кордонному начальству». Тогда Джамбулат Немиров, «*следуя обычаю черкесскому* (курсив мой. — В. Г.) скрыл его и переправил за Кубань»³⁵.

Очевидно, что, спасая Гаджубрама Нанижа, виновного в убийстве, Джамбулат Немиров следовал черкесскому обычаю, требовавшему, чтобы хозяин во что бы то ни стало защищал своего гостя. Выполняя в данном случае долг гостеприимства, Джамбулат Немиров хорошо понимал, что он по русским законам может подвергнуться тяжкой уголовной ответственности за укрытие убийцы. Такой поступок для него, как для офицера русской службы, был особенно чреват опасными последствиями. На это именно рассчитывал Тамбиев, жалуюсь кордонному начальству на Немирова.

Тот факт, что Джамбулат Немиров, рискуя быть разжалованным и даже сосланным в Сибирь, поступил в 1845 г. согласно неписаным законам адыгского гостеприимства, показывает, что эти законы были тогда еще в полной силе. Последнее обстоятельство косвенно признали и обвинявшие Немирова — Карашай Седаков и Магомет Тамбиев, которые во время следствия показали, что «прапорщик Джамбулат Немиров по *черкесскому обычаю* (курсив мой. — В. Г.) с другими черкесами не допустили их» схватить Гаджубрама Нанижа, совершившего убийство, «и задержали дать знать в Пост» до тех пор, пока Джамбулат с гостем-убийцей не переправились за Кубань³⁶.

Таким образом, не только Джамбулат Немиров, но и другие жители адыгского аула, где случилось это происшествие, считали недопустимым выдачу хозяином своего гостя, хотя тот и совершил преступление.

По сообщению Лапинского, в Адыгее (Черкесии) и в конце 50-х годов XIX в. безотказно действовали строгие правила гостеприимства, требовавшие, чтобы хозяин принимал все меры для охраны и защиты гостя, даже если он был его личным врагом или преступником. «Если путник, — пишет Лапинский, — опасается чего-либо в той местности или в том дворе, где он ночует, то долг хозяина дома окружить саклю для гостей стражей и даже самому охранять дверь, а также дать прикрытие до следующей остановки»³⁷. Он (т. е. хозяин. — В. Г.) является ответственным за все плохое, что может случиться с его гостем, и счи-

³³ Государственный архив Краснодарского края, ф. 261, д. 117, л. 126—126 об.

³⁴ Там же, л. 124.

³⁵ Там же, л. 126.

³⁶ Там же, л. 133.

³⁷ Как мы увидим дальше, «дать прикрытие до следующей остановки» не являлось для хозяина обязательным по отношению ко всякому гостю.

тается большим позором, если этот последний пожалуется... на какое-нибудь зло, причиненное ему... Жилище адыга — неприкосновенное убежище. Каждый, переступивший его порог, оказывается под защитой хозяина дома, даже если он его личный враг. Полиции, которая вводилась в некоторых местах, было очень трудно действовать в этой стране, где народ крепко держится за свои старые обычаи; чтобы схватить преступника, надо применять особую осторожность и хитрость»³⁸.

Если по обычаю считалась недопустимой выдача гостя его врагам, то оскорбление гостя, а тем более его ограбление или убийство относилось у адыгов к числу самых тяжких и позорных преступлений. Хан-Гирей по этому поводу пишет: «Я не умолчу о том, что люди подлые и корыстолюбивые... иногда нарушают священные права гостеприимства..., несмотря и на то, что за такие посягательства эти преступники делаются предметом народного презрения..., а в прежние времена подобные изверги вовсе были изгоняемы из общества людей чтимых и даже нередко (были) лишаемы жизни своими родственниками за нанесенное их роду неизгладимое посрамление»³⁹.

В. И. Савинов, бывший в 40-х годах XIX в. в плену у абадзехов, сообщает слышанное им в горах предание о том, что лет 50 тому назад (т. е. в конце XVIII в.) житель одного из абадзехских аулов ограбил и убил пришедшего к нему случайно ночью гостя из другого адыгского племени. Соседние аулы абадзехов, «пораженные ужасом и позором», не ожидая справедливого мщения за это преступление соплеменников убитого гостя, сами наказали виновного, а вместе с ним и весь аул: сожгли его дотла, не выпустив ни одной живой души. С тех пор место, где находился этот аул, получило название «Позорного аула» (Мяхылгач-аул)⁴⁰.

Обычное право адыгов предусматривало весьма крупную пеню за оскорбление и особенно за убийство гостя. По сообщению С. М. Броневского, относящемуся к началу XIX в., в числе «коренных обычаев или постановлений», которые кабардинцами наиболее почитаются и соблюдаются, были «неписанные законы», охранявшие гостя. В записи Броневского соответствующая норма обычного права кабардинцев гласила: «Буде кто отважится обидеть приезжего гостя, повинен заплатить хозяину одного ясыря (т. е. раба. — В. Г.), а за убийство гостя — девять ясырей»⁴¹. К этому Броневский делает следующее примечание: «Такая пеня налагается только за бесечие, нанесенное дому, где случилась гостю обида»⁴². Кроме того, виновный в убийстве не избавлялся еще и от ответственности перед родственниками убитого, которым он должен был уплатить «цену крови» в соответствии с социальным положением убитого. Если учесть, что за убийство крестьянина у кабардинцев в начале XIX в. взыскивалась обычно пеня в девять ясырей, то выходит, что за убийство крестьянина-гостя взыскивалась двойная пеня: 9 ясырей в пользу хозяина дома, где был убит гость, и 9 ясырей в пользу родственников убитого.

С. М. Броневский не сообщает, как изменялась у кабардинцев пеня за оскорбление или убийство гостя, если хозяин дома, где находился гость, принадлежал к феодальной верхушке, т. е. был знатным уорком

³⁸ Th. Lapinski, Указ. раб., т. 1, стр. 142—143.

³⁹ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, л. 111—111 об.

⁴⁰ В. Савинов, Достоверные рассказы об Абазии, «Пантеон», 1850, т. 1, кн. 2, стр. 18—19.

⁴¹ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 118.

⁴² Там же, стр. 119.

или князем. Как показывает имеющийся в нашем распоряжении документальный материал, в таких случаях пеня за оскорбление или убийство гостя была значительно выше указанной Броневским общей нормы. В этой связи следует подчеркнуть, что у тех адыгских племен, у которых, подобно кабардинцам, в XVIII и первой половине XIX в. почти в полной неприкосновенности сохранились средневековые привилегии феодалов, покушение на жизнь или честь гостя, находившегося под защитой знатного уорка или князя, было явлением чрезвычайно редким.

У западноадыгских племен, живших по побережью Черного моря и в Закубанье, за оскорбление или убийство гостя размер пени тоже долгое время определялся социальным положением хозяина, хотя соответствующая адатная норма была сформулирована таким образом, что для лиц, не посвященных в особенности существовавшей у адыгов системы композиций, эта разница оставалась незаметной. Так, например, у шапсугов и натухайцев, составлявших в первой половине XIX в. примерно половину общей численности всех адыгских племен⁴³, было установлено, что «кто оскорбит гостя, в чьем бы доме тот не был, платит хозяину дома штраф в одну *сха*; в случае убийства гостя платят десять таких цен за бесчестие дома, независимо от цены крови (*тловуас*), следующей родственникам убитого»⁴⁴.

Л. Я. Люлье, сообщая эту формулировку одной из важнейших норм обычного права западных адыгов, разъясняет, что *сха* как мера уголовной пени была условной единицей, стоимость которой определяли в зависимости от классовой принадлежности пострадавшего. *Сха* (букв. «голова») была двух родов: 1) *уоркская* (т. е. дворянская, феодалная) и 2) *простая* (т. е. «общенародная»). Стоимость уоркской «сха» была намного выше. «Народ (*тфлокотль*) платил пеню высшему классу (*вуорк*) по счету на *вуоркесха*, но следовавшие от него пени получал по счету на простое *сха*»⁴⁵.

Эта привилегия феодалов у наиболее многочисленных западноадыгских племен на протяжении первой половины XIX в. была уничтожена.

В результате успешной антифеодалной борьбы, развернувшейся с конца XVIII в. у шапсугов, натухайцев и абадзехов, народ добился того, что разница в стоимости уоркской и простой «сха» постепенно стала сокращаться и в 40-х годах XIX в. окончательно исчезла. Однако у остальных адыгских племен (кабардинцев, басленеевцев, бжедугов, темиргоевцев и др.) феодалы и в первой половине XIX в. сохранили свое право на получение повышенной пени за оскорбление или убийство гостя, находящегося в их доме, и очень строго следили за тем, чтоб эта привилегия не нарушалась.

Проведенные у шапсугов, натухайцев и абадзехов в первой половине XIX в. демократические реформы, отменившие, в частности, право феодалов на получение повышенных пеней с нарушителей гостеприимства, ни в коей мере не ухудшили юридического статуса и фактического положения гостей в этих племенах. Вопреки утверждениям недовольных новыми порядками представителей уорков, — сетовавших в народных собраниях на упадок древних законов гостеприимства, которые

⁴³ В. К. Гарданов, О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX в., «Сов. этнография», 1963, № 4, стр. 89 (см. таблицу).

⁴⁴ Л. Я. Люлье, Черкессия, Историко-этнографические статьи, Краснодар, 1927, стр. 44. Стоимость «сха», как указывает Л. Я. Люлье, «нельзя определить точным образом». В общем она колебалась в пределах стоимости 60 быков (максимум) и 60 баранов (минимум). В отдельных случаях разница могла быть и еще большей.

⁴⁵ Там же, стр. 42.

якобы перестали соблюдать незнакомые с «уорке хабзе» (букв.— дворянским обычаем, этикетом) тфокотли,— безопасность гостей в «демократических» племенах по-прежнему строго охранялась. Если знатный уорк оберегал гостя, опираясь на свою силу и феодальные привилегии, то крестьяне-тфокотли выступали на защиту гостя коллективно — всем родом, фратрией («братством») или общиной. Хан-Гирей, сам принадлежавший к адыгской аристократии, отмечает, однако, что у шапсугов, нутхайцев и абадзехов гостеприимство, несмотря на упадок феодальных привилегий, соблюдалось не менее тщательно, чем в княжеских владениях. «Эти племена,— писал Хан-Гирей,— грубые в обращении, не уступают другим в хлебосольстве: и самый беднейший из них готов последним своим достоянием доставить гостю спокойствие в своем доме и обильную пищу. Если бы кто дерзнул обидеть гостя, покоящегося в его доме под кровом гостеприимства, то весь род хозяина восстанет тотчас с готовностью пожертвовать всем, чтобы только гостю доставить удовлетворение. Нигде и никогда грубость в словах не бывает столь блистательно покрываема благородством поступка, как в этих племенах, когда один род, узнав своего врага в доме соседа, другому роду принадлежащего, собирается толпами, чтобы гость был ему выдан или, по крайней мере, чтобы их дело было решено тут же судом. Тогда хозяин с гордостью выступает навстречу к врагам своего гостя и говорит им без обиняков: «Негодяи! Кто вам сказал, что я выдаю моего гостя его врагам? Скоты вы! Если вы храбры, то ищите врага в поле, а не под моим кровом!». Поистине никогда грубость не бывает столь благородна, как в минуту гордой готовности принять тысячу смертей, защищая честь своего дома в лице гостя»⁴⁶.

Согласно обычному праву адыгов гость находился под защитой хозяина лишь до тех пор, пока пребывал в его доме. Стоило только проезжему случайному гостю покинуть данный дом, как его хозяин не только переставал нести ответственность за безопасность такого гостя, но и мог принять участие в его ограблении и убийстве. Поэтому в XVIII и первой половине XIX в., несмотря на широкое распространение гостеприимства, проехать в горах Кавказа через местность, принадлежащую чужому племени, было весьма опасно. Иноплеменному путнику на каждом шагу грозило вражеское нападение со всеми вытекающими из этого последствиями. На первый взгляд такое положение плохо согласовывалось с широко развитым у горцев гостеприимством. В частности, особенно странным казалось нападение на бывшего гостя (как это иногда случалось, однако далеко не так часто, как это рисуются некоторыми писателями), которого недавно радушно принимали в доме. Некоторые авторы первой половины XIX в. расценивали это как проявление «хищничества» и «вероломства», якобы свойственных вообще кавказским горцам. Однако такое объяснение, основанное на недоброжелательном, презрительном отношении к кавказским горцам, не могло быть принято большинством добросовестных исследователей горского быта. В поисках правильного ответа было выдвинуто предположение, что у горцев в старину путник и вне дома, где он считался гостем, находился в полной безопасности, а нападение на чужестранца в пути — явление на Кавказе позднее, связанное с общим упадком нравов. Но и это объяснение должно быть отвергнуто нами, и не только потому, что оно исходило из неправильной предпосылки (пытаясь найти моральное оправдание существующему положению, вместо того чтобы выяснить его действительные причины), а прежде всего потому,

⁴⁶ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 109 об.— 110 об.

что оно противоречило историческим фактам. Гостеприимство в древности предполагало временную, а не постоянную охрану гостя-чужеплеменника хозяином. Именно об этом свидетельствует как общестнографический, так и кавказский, в частности адыгский, материал.

По словам д'Асколи — автора первой половины XVII в., хорошо знавшего обстановку в Черкесии, — безопасность чужестранца здесь была, как правило, гарантирована лишь пределами дома, где он остановился в качестве гостя, но если такой гость «выйдет из дома и *его не провожают знакомые* (курсив мой. — В. Г.), то в Черкесии он не только может лишиться своего добра, но и сам подвергается опасности стать невольником и быть увезенным и там проданным»⁴⁷. Следовательно, и в начале XVII в. чужестранец в Черкесии за пределами случайно приютившего его дома не считался гостем и потому не пользовался соответствующими правами, в том числе и правом на защиту со стороны хозяина. Только в том случае, если хозяин был хорошим знакомым гостя, он провожал его до безопасного места, но это было уже связано не с обычаем гостеприимства, а с обычаем куначества, о котором речь будет идти дальше.

Охрана гостя в пути хотя по существу и вытекала из смысла гостеприимства, представляя его дальнейшее развитие, однако не всегда включалась в обязанности хозяина, который в феодальной Черкесии обычно считал свой долг выполненным, если он обеспечил безопасность незнакомого гостя и его имущества в пределах своего дома. Забота об охране приезжего гостя в пути была слишком сложной, чтобы она могла быть возложена на каждого хозяина, в доме которого остановился случайный путник. Круг обязанностей хозяина в отношении гостя, даже ограниченный пределами дома, был достаточно обременительным. Поэтому общественное мнение горцев не требовало от хозяина дальнейшей заботы о судьбе случайного и незнакомого ему гостя, покидавшего его дом, чтобы отправиться в дальнейший путь. Это было вполне разумно и соответствовало сложившейся в горском быту практике гостеприимства.

Охарактеризованные выше главнейшие черты адыгского гостеприимства дают нам возможность понять тот сложный комплекс социальных отношений, который у адыгов в той или иной форме связывался с этим обычаем.

С гостеприимством у адыгов был прежде всего связан повсеместно распространенный на Северном Кавказе институт куначества, согласно которому два лица, принадлежавшие к различным родам и даже племенам или народностям, вступали друг с другом в близкие дружеские отношения и оказывали друг другу в нужных случаях всяческую помощь и защиту. Очевидно, что гостеприимство исторически предшествовало куначеству, которое представляло собой следующий этап в развитии межродовых и межплеменных отношений, и что в быту частое гостевание одного постороннего лица у другого сближало их и в конце концов могло сделать их «кунаками».

Хотя куначество по своему происхождению и связано с гостеприимством, уходя, как и последнее, своими корнями в родовой быт, оно по существу представляло уже иной вид межродовых и межплеменных отношений. В отличие от гостеприимства, куначество распространялось не на всякого появившегося в доме чужеродца. Если гостем мог быть

⁴⁷ E. d'Askoli, *Descrittione del Mar Negro e della Tartaria*, «Чтения в историческом обществе Нестора летописца», кн. V, Киев, 1891, стр. 37. См. также относящееся к началу XVIII в. «Описание Черкесии, оставленное Ксаверио Главани», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 17, Тифлис, 1893, стр. 158.

совершенно незнакомый человек, случайно и неизвестно откуда пришедший и неведомо куда уходящий, то кунак это даже не просто знакомый, а близкий друг, приятель. Поэтому ошибочным является часто встречающееся в литературе безоговорочное отождествление слова «кунак» со словом «гость»⁴⁸. Не всякий гость у горцев, в том числе и адыгов, считался кунаком, а лишь тот, кто был связан с хозяином дома особыми узами дружбы — куначества⁴⁹, которые в эпоху распада родовых отношений в известном отношении были даже сильнее кровнородственных.

Мы видели, что обычай гостеприимства строго запрещал хозяину интересоваться делами незнакомого ему гостя, задавать такому гостю какие-либо вопросы, нарушать его инкогнито. Наоборот, в отношении кунака хозяин должен был вести себя иначе: проявлять повышенный интерес к его делам и принимать в них самое активное участие.

Принципиальное отличие кунака от гостя заключалось еще и в том, что связь гостя с хозяином носила временный и по существу случайный характер. Гость пользовался услугами хозяина и находился под его защитой лишь в то время, пока проживал в его доме, причем незнакомый гость мог остановиться у данного хозяина или у его соседей, в общем — в первом попавшемся ему в этом селении доме и, покинув его, больше никогда сюда не возвращаться. Кунаки же между собой были связаны постоянными и нерушимыми узами дружбы, которой они должны были быть верны, так сказать, до гробовой доски. Обязательство кунаков защищать и помогать друг другу действовало при любых условиях, а не только тогда, когда один из кунаков находился в доме другого. Что же касается гощения кунаков друг у друга, то по обычаю горец, посещая селение, в котором жил его кунак, должен был остановиться обязательно в его доме, в противном случае это считалось тяжким оскорблением кунака и могло даже привести к разрыву их дружбы.

Кунак, приехавший в гости к кунаку, рассматривался как особый гость. Близость его к хозяину подчеркивалась, в частности, тем, что он мог останавливаться не в гостинном доме, находящемся в отдалении от жилого дома хозяина, а или в самом доме хозяина, или же (если хозяин был достаточно состоятельным) в специальном доме, построенном внутри ограды хозяйского двора для приема приезжих родственников и самых близких знакомых. Именно по отношению к этому дому, имевшемуся наряду с гостинным домом общего типа у многих представителей адыгской аристократии, скорее можно было бы условно применить наименование «кунацкая», которое, как мы уже указывали, не только не было принято у адыгов, но и по существу с научной точки зрения является истонченным, так как помещение, обычно именовавшееся в кавказоведческой литературе «кунацкой», в действительности в горском быту предназначалось для приема в качестве гостей не только «кунаков», а более широкого круга людей⁵⁰.

⁴⁸ Мы имеем в виду не бытовую, а научную терминологию, ибо не употреблявшееся у адыгов (черкесов) тюркское слово «кунак» означает в точном переводе «гость» (см. Л. Будогов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., стр. 94—95).

⁴⁹ На адыгском языке слово «друг» обозначается обычно терминами: *ныбжьэгъу* и *благъе*, «близкий друг» — *ныбжьэгъу гъунегъу*, «друг-защитник» — *хъуамакъуэ къыцхъециж*, «дружба» — *ныбжьэгъугъэ* (см. Б. М. Карданов и А. Т. Бичоев, Русско-кабардинско-черкесский словарь, М., 1955, стр. 188).

⁵⁰ М. О. Косвен недавно обратил внимание кавказоведов на то, что ходячее представление о кунацкой нуждается в серьезном пересмотре и уточнении. Обнаружив в кавказской кунацкой черты, сближающие ее с «мужскими домами» или «клубами

Дружба, устанавливавшаяся между «кунаками», как бы подкрепляла узы гостеприимства, делала их более всесторонними⁵¹. У адыгов не было специального термина, обозначающего то, что в этнографической литературе принято именовать куначеством⁵². Отношения куначества они рассматривали как продолжение отношений гостеприимства и почти полностью включали их в это понятие. В частности, по принятому у адыгов правилу хозяин, выступавший по отношению к своему гостю в качестве друга — «кунака», уже не мог ограничиться охраной такого гостя лишь в пределах своего дома, а должен был обязательно проводить его до безопасного места или сдать с рук на руки другому лицу, который брал на себя ответственность за дальнейшую безопасность гостя. В этом отношении обычный куначества прямо продолжал обычай гостеприимства, расширяя и дополняя его.

Ярким подтверждением тесной связи обычая куначества с гостеприимством является свидетельство Интериано, у которого мы встречаем одно из первых упоминаний о кунаках в Черкесии. «Вообще у них, — пишет Интериано о черкесах, — в обычае: гостеприимно и с величайшим радушием принимать всякого. Хозяина и гостя они называют конак (сопассо), что значит по-латински hospite. По уходе (гостя) хозяин провожает конака-чужестранца до другого гостеприимного крова, охраняет его и, если потребуется, то отдает за него жизнь, как самый преданный (друг). И хотя, как было сказано, грабеж в здешней стране — такое обычное явление, что на этом деле, казалось бы, заработать им и не грех, однако конакам своим они обычно остаются верны и дома и вне дома (и относятся к ним) с величайшим радушием»⁵³.

Как показывает сообщение Интериано, провести резкую грань между гостеприимством и куначеством⁵⁴ было трудно, так как в быту они часто сливались воедино.

Тесную связь гостеприимства с куначеством подчеркивает в своем описании адыгов и Г. В. Новицкий. Характерно, что этот автор, писавший на 300 лет позднее Интериано, дает нам такую же картину переплетения уз гостеприимства с куначеством, хотя Новицкий, верный адыгской действительности, нигде не употребляет слова «кунак», заменяя его адыгским словом «гаче» (*хьэщ/э* — гость). «Права гостеприимства, — писал в 1829 г. Новицкий, — свято чтимые у Адехе (т.е. адыгов. — В. Г.), выходят из пределов гражданских добродетелей. Права сии распространяются на путешественников (иностранцев и единоземцев), преступников и купцов. Путешественник, предполагающий осмо-

холостяков», М. О. Косвен тем самым подчеркнул архаичность и сложность того комплекса общественных явлений, который связан с этим любопытным помещением у адыгов и других горцев Северного Кавказа (см. М. О. Косвен, *Этнография и история Кавказа*, М., 1961, стр. 126—129).

⁵¹ Дружеские связи высоко ценились в горах Кавказа, и у адыгов имелось много пословиц и поговорок, в которых народ восхвалял дружбу. Приведем некоторые из них: «Ныбжьэгъуфыр уасэ зымылэши, ныбжьэгъу зымылэр кудыгъуафэш» (хороший друг дороже всего, а кто без друга, того легко свалить); «Ныбжьэгъур зыхуэзыгъэплъыр маф/э гъэплъам есыж» (кто направляет друзей друг на друга, тот в огне сгорает); «Благгъэжь бий хъурккъым, бийжь благгъэ хъурккъым» (старый друг врагом не станет, а старый враг не будет другом). См. В. К. Гарданов, «Кабардинско-русский фразеологический словарь», Нальчик, 1963, стр. 32 и 135. Хан-Гирей сообщает, что «предки нынешних черкес, желая память изменников коварных предать проклятию потомства, говорили: «Бог дружбы да накажет злодея!»» («Записки о Черкесии», ч. II, л. 117 об.).

⁵² Хан-Гирей поэтому в «Записках о Черкесии» не употребляет термина «куначество», а говорит лишь о «законах дружества», свято чтимых у черкесов («Записки о Черкесии», сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, л. 113 об.).

⁵³ G. Interiano, Указ. раб., стр. не нумерованы.

⁵⁴ Здесь, как и везде в данной статье, употребляя термин «куначество», мы имеем в виду его точное научное понимание.

треть земли Адехе, предварительно должен завести знакомство с одним из природных жителей, который, приняв его под свое покровительство, проводит по земле своего племени, угощая его наилучшим образом. Как путешественник, так и природный житель, связавшиеся таким образом узами гостеприимства, называются в отношении друг к другу Гаче. Если путешественник захочет идти далее (например: от Натугайцев к Шапсугам), то хозяин его Натугаец передает своего Гаче кому-нибудь из знакомых своих Шапсуг. Сей новый Гаче, приняв странника под свое покровительство, угощает его по мере возможности во все время пребывания его на земле Шапсугов, и по желанию путешественника провожает его к Абедзехам или другому племени Адехе, где и передает его новому Гаче. И так каждый путешественник, покровительствуемый своим Гаче, может беспрепятственно проехать все земли Адехе, без всяких издержек, исключая подарков, делаемых им из благодарности каждому из своих Гаче»⁵⁵.

Таким образом, в Черкесии практически не только иностранцу, но и представителю любого адыгского (черкесского) племени было невозможно систематически пользоваться гостеприимством на территории другого племени, если он не устанавливал дружеских связей с кем-либо из местных жителей, который, с одной стороны, ручался перед соплеменниками за благонадежность гостя (т. е., что гость прибыл на территорию данного племени не с враждебными целями), а с другой стороны — брал на себя заботу и ответственность за благополучное пребывание гостя на территории своего племени.

Несмотря на большую близость куначества к гостеприимству (особенно той формы куначества, которая связана с охраной гостя на территории своего племени), было бы, однако, неверно смешивать эти два обычая, памятуя, что между ними имеется определенная разница, которую в научном исследовании нельзя игнорировать. Замечательно, что эту разницу подметил уже Л. Я. Люлье. В статье «О гостеприимстве у черкес» он писал: «Право покровительства (куначества), которым пользуется каждый черкес без исключения, между натухажцами и шапсугами, в отношении к иноземцам⁵⁶, — не следует смешивать (курсив мой. — В. Г.) с гостеприимством, собственно состоящим в принятии и угощении посетителей и проезжающих, останавливающихся для отдохновения или для ночлега в доме знакомого или даже вовсе незнакомого человека»⁵⁷.

В том варианте куначества, который был особенно связан с гостеприимством (а именно о нем у нас сейчас идет речь), элемент защиты и покровительства со стороны хозяина дома гостю был выражен в гораздо большей степени, чем в обычае простого гостеприимства. Естественно поэтому, что при куначестве еще более возрастало значение социальной принадлежности хозяина, того места, которое занимал он в сословной иерархии адыгов. Если социальное положение хозяина дома имело, как мы видели, большое значение для гостя, случайно попавшего в этот дом и оказавшегося под его покровительством, то тем более это было важно для гостя, который специально искал себе кунака — покровителя, бравшего на себя обязательство обеспечить безопасность гостя и за пределами своего дома — в пути от одного населенного пункта до другого, где гость больше не нуждался в охране или

⁵⁵ [Г. В.] Новицкий, Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе, «Тифлиссские ведомости», 1829, № 25.

⁵⁶ У черкес, где сохранилась феодальность, право на покровительство преимущественно имеют князья и дворяне (примеч. Л. Я. Люлье).

⁵⁷ Л. Я. Люлье, О гостеприимстве у черкес, стр. 33.

где гостей передавали на попечение живущего там кунака, который часто являлся другом прежнего хозяина. Поэтому, как отмечает Хан-Гирей, «Гости, едущие из дальних мест по чуждым племенам, обыкновенно берут в провожатые знакомых князей и дворян или от них людей, которые, сдавая гостей с рук в руки, представляют лица их пославших для сопровождения гостей»⁵⁸.

Адыгские феодалы фактически сделали право охраны гостей-чужеплеменников при проезде их через Черкессию своей монополией, с чем, естественно, не хотел мириться народ, который отстаивал свое право на такое покровительство. Однако только у шапсугов, натухайцев и абадзехов тфокотлю удалось восстановить древнее право адыгского народа на защиту своих гостей при проезде через родную страну.

Полная охрана хозяином-кунаком гостя-кунака в пределах своего племени делала куначество особенно важным институтом в условиях межплеменных войн и феодальных междоусобиц, царивших в эпоху средневековья в Черкесии и на всем Северном Кавказе. Именно куначество в соединении с гостеприимством способствовало развитию общения между различными кавказскими племенами и феодальными владениями. Под эгидой же куначества развивались экономические и культурные связи кавказских горцев с русским населением Северного Кавказа.

Естественно, что куначество было широко использовано иностранным купечеством для торговли с адыгами и другими кавказскими горцами. Это внесло в куначество новый элемент — появились «кунаки», нанимавшиеся за деньги. По словам С. М. Броневского: «Лучший и весьма употребительный способ обеспечить себя от разбоев на случай переезда из одного места в другое внутри гор состоит в приискании надежного кунака, каковые охотно нанимаются в провожатые за умеренную плату и отвечают за целостность особы и пожитков путешественника.. Хотя (существует) великая разность между наемными кунаками⁵⁹ и тою связью, которая под тем же именем существует у горцев между собою, однако не менее того обычай требует, чтобы наемный кунак защищал своего наемщика не щадя своей жизни, ежели не хочет себя навсегда обесславить; а сия самая известность достаточно предохраняет путешественника от нападения разбойников, которые обыкновенно ищут легкой наживы, а не упорной драки»⁶⁰.

В роли таких наемных кунаков нередко выступали адыгские князья и знатные уорки. Так, например, посланный в мае 1753 г. к «владельцу»⁶¹ Большой Кабарды Аджигирею Темирбулатову, застал этого кабардинского князя в Кизбуруне, «совсем готовым к выезду для провожания крымских купеческих людей»⁶². Однако чаще крупные адыгские феодалы, беря на себя роль кунаков-покровителей купцов, предпочитали лично не провожать купеческие караваны, а поручали это своим вассалам. Вообще же вся торговля в Черкесии влась иностранными купцами на основании обычая куначества под покровительством главным образом местных феодалов. В таких случаях уже само имя влиятельного адыгского князя или уорка, выступавшего в качестве

⁵⁸ «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 108 об. — 109.

⁵⁹ Хан-Гирей делает к этому тексту С. М. Броневского следующее примечание: «Такие провожатые на черкесском языке называются *хехерий* и *декоате*, а не *кунаками*, и слово кунак... вовсе неупотребительно черкесами» («Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, примеч. 14).

⁶⁰ С. М. Броневский, Указ. раб., ч. II, стр. 128—129.

⁶¹ «Владельцами» именовались в русских документах XVIII в. адыгские князья.

⁶² Архив внешней политики России (далее АВПР), ф. Кабардинские дела, 1754 г., д. 6, л. 62 об.

«кунака» — покровителя, служило для иноземных купцов гарантией их безопасности в стране.

Когда в начале 20-х годов XIX в. русским правительством было организовано «Попечительство торговли с черкесами», чиновникам этого попечительства (в числе которых был и Л. Я. Люлье) вменялось в главную обязанность поддерживать дружеские связи с черкесскими феодалами — «кунаками», под покровительством которых «Попечительство» вело торговлю в Черкесии⁶³.

Сами адыгские феодалы тоже вели почти все свои торговые операции через находившихся под их покровительством иностранных купцов, часть которых на положении «кунаков» поселялась даже на постоянное жительство в аулах, принадлежавших адыгским князьям и первостепенным уоркам. Так, командующий Отдельным Кавказским корпусом ген. А. П. Ермолов в своем отношении к министру иностранных дел К. В. Нессельроде от 5 августа 1819 г. приводит в пример «одного из самых значущих закубанцев» — адыгского князя Мисоста Айтекова, который «все обороты по торговым делам производит доныне не иначе, как чрез армян („кунаков“.— В. Г.), под зависимостью сего живущих»⁶⁴.

В архивных делах XVIII в. сохранились документы, которые детально рисуют, как под эгидой куначества велась торговля среди адыгов. Приведем один из таких документов, отличающийся большой красочностью и любопытными подробностями, позволяющими уяснить весь обряд пайма «кунака» для охраны купеческого каравана. В прошении, поданном моздокским жителем грузином Давидом Петровым на имя командующего войсками на Кавказской линии и кавказского генерал-губернатора П. С. Потемкина от 23 марта 1783 г., говорится:

В 1772 г. родной брат просителя Кокила со своим товарищем проживали в Большой Кабарде в доме Бия Урухова, являвшегося узденем (вассалом) кабардинского князя Касая Атажуккина, и занимались торговлей. Распродав свои товары и на вырученные деньги приобрета товары в Кабарде, они решили ехать на Дон, в Черкасск. «И у предписанного узденя Бия Урухова в доме в то время был Едисанской орды мурза Муса Арасламбеков. Помянутой же узденю того мурзу... просил со объявлением тем, что сии де моздокские купцы желание имеют ехать для продажи своих товаров на Дон, то может ли он, мурза Арасламбеков, их до того места препроводить благополучно. На что де от одного и сказано тому узденю Урухову: я де их провожу благополучно и опять возвращу сюда, то есть в Кабарду, сохранно и во всякой целости. Почему как реченной владельца Касая бека узденю Бий Урухов, так равно мурза Муса Арасламбеков и мой бывший брат Кокила с товарищем *по обычаю их* пошли все вообще к вышереченному князю Касая беку, коему объявили, что де сих купцов хочет мурза Муса Арасламбеков на Дон с их товаром препроводить и сюда, в Кабарду, по-прежнему поставить во всякой целости; причем вышесказанный владелец Касай бек тому мурзе сказал: подлинно ли та правда от тебя будет? Коему *по их же обычаю* друг другу дали руки, кое у них зави-

⁶³ См. «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», т. VI, ч. II, стр. 484—485 и сл.; т. VIII, стр. 638.

⁶⁴ Там же, т. VI, ч. II, стр. 451. О масштабах торгового оборота этого адыгского князя можно судить по такому факту: в письме к Мисосту Айтекову от 28 июля 1818 г. А. П. Ермолов сообщает, что он в порядке исключения разрешает ему отправлять через кордонную линию без карантина *только 500 арб* с продуктами и товарами, находившихся под его покровительством людей, тогда как Айтеков просил о пропуске большего количества арб.

сит в поручительстве место присяги и хранится в той надежде яко мурза Арасламбеков как на Дон препроводит, так и обратно их в Кабарду в целости поставит, со обещанием притом таким: ежели де разве меня не будет в живех, то и тех купцов не найдите, а когда де я жив буду, то и тех купцов на мне искать можете. Обещался, но вместо того на дороге убиты им до смерти, а товары взял к себе». Давид Петров сослался, что при заключении этого договора присутствовал моздокский житель Антон Матвеев, который может все это подтвердить⁶⁵. Запрошенные по этому поводу кабардинские князья полностью подтвердили, что действительно мурза Муса Арасламбеков взялся проводить Кокила с товарищем в Черкасск, но по дороге ограбил и убил их. Касая Атажукина в живых уже не было, но в свое время он посылал одного из своих узденей требовать от Мусы Арасламбекова удовлетворения за ограбление и убийство своих «кунаков» («с требованием о своих кунаков удовольствия») ⁶⁶.

Как показывает случай с Кокилой и его товарищем, наемные «кунаки» не всегда честно выполняли свои обязанности. Можно привести и еще примеры этого рода. Так, моздокский житель Манус Иванесов в прошении к П. С. Потемкину от 1 мая 1783 г. сообщил, что год тому назад родственник его Арутюнов, проживавший в Астрахани, «поехал для торга в Большую Кабарду» и пропал без вести, а теперь Арутюнов прислал письмо, в котором сообщает, что он по приезде «в Тамбиев кабак (в Кабарде.— В. Г.) стал для житья у узденя Бесленя Камбулатова, который и продал его за Кубань в Абазы...», где он теперь и находится⁶⁷. Однако такие нарушения купаческих обязанностей были сравнительно редкими и на них шли обычно лишь мелкие уорки (уздени), готовые поживиться при каждом удобном случае. Как правило, адыгский князь, являвшийся верховным покровителем торговцев, находившихся в качестве кунаков у его вассалов—узденей, требовал удовлетворения за нанесенный кунакам ущерб, а в случае их убийства мстил виновным или требовал от них уплаты себе пени за убийство гостя-кунака, а родственникам—уплаты «цены крови» и возмещения стоимости ограбленных товаров и имущества.

Сочетание дружеских, «куначеских» связей с гостеприимством породило у адыгов своеобразный обычай одаривания гостей. Хотя подарки гостю, как известно, сопутствуют обычаю гостеприимства у многих народов и являются универсальным историческим явлением, возникшим на ранней стадии общественного развития, однако у адыгов в феодальную эпоху одаривание гостей отличалось рядом оригинальных черт. Подарки, как правило, давались не всякому гостю, а гостю знакомому. Преимущество на получение подарков имели гости, приезжавшие из других племен и дальних аулов⁶⁸. Нередко в этом случае на первый план выступали обязательства «кунаков» помогать друг другу. «Когда один кунак приедет к другому в гости или по своей надобности, то принимающий... снабжает приезжего друга всем нужным, не жалея собственности, а в случае недостатка в чем, пускается с ним вместе на воровство и отдает всю добычу своему кунаку»⁶⁹. Подарки,

⁶⁵ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. Госархив, разр. XXIII, д. 13, ч. IV, л. 348 (курсив мой.—В. Г.).

⁶⁶ Там же, л. 349—350.

⁶⁷ Там же, л. 378.

⁶⁸ Составитель сборника адатов черкес А. А. Кучеров в добавление к этому указывает: «одного же племени черкесы хотя и бывают в гостях один у другого, но без особенных подарков» (Ф. И. Леонтович, Указ. раб., стр. 124).

⁶⁹ С. М. Броневский, Указ. раб., ч. II, стр. 128.

особенно почетному гостю, делались лучшими вещами, которые были в распоряжении хозяина. У феодальной знати было принято дарить оружие (за исключением личного и фамильного), богатые одежды, конскую сбрую, украшенную серебром и золотой насечкой, а также рабов (ясырей), крепостных крестьян. Часто дарили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Так, один из бжедугских князей, будучи в гостях у своего приятеля — князя другого адыгского племени, получил в подарок 1000 баранов. Когда приятель явился к бжедугскому князю с ответным визитом, то он получил в дар трех девишек, двух мальчиков, 16 прекрасных лошадей, большое количество дорогого оружия и несколько сундуков, наполненных шелковыми материями⁷⁰.

Подарки не всегда делались гостю на основе принципов взаимности. Богатый и знатный человек должен был помогать своим более бедным знакомым. Это породило в Черкесии особую разновидность гостей, которые специально приезжали за получением подарков. Такой «гость с просьбою» обычно отправлялся к князю или первостепенному уорку и, «пожив у него сколько ему заблагорассудилось, просит подарить ему десять лошадей, да двадцать быков, да сотню, другую овец или крестьянина»⁷¹. Отказать такому гостю в его просьбе считалось неудобным и хозяин должен был обязательно снабдить гостя просимыми подарками. Дж. Белль рассказывает, что во время его поездок по Черкесии в 1837—1839 гг. он часто наблюдал, как приехавшие в гости лица выпрашивали у хозяина подарки и стыдным считалось не просить подарки, а не удовлетворить такую просьбу. Был случай, когда спутники Белля выпросили в подарок у хозяина дома, где они остановились в качестве гостей, один — 100 овец, а другой — 60 лошадей⁷². Гость вообще мог попросить любую вещь, которая ему понравилась⁷³. Достаточно было гостю просто похвалить какую-либо вещь, как хозяин понимал это как намек на то, что гость желает получить эту вещь в подарок⁷⁴. Таким образом, в адыгском доме соблюдался принцип, выраженный старинной русской поговоркой — «кому вещь эта приглянется, тому и подарится»⁷⁵.

Иногда гость сам привозил подарки в расчете на то, что его за это щедро отдарят. Об одном таком случае рассказал прибывший в Кизляр из Кабарды 21 марта 1754 г. Мамбет Хатлов. По его словам, к кабардинскому князю Довлетуке Расланбекову приехал из Темиргоя «по знакомству» темиргоец («а как его зовут не знает») «и привел ему (т. е. князю Довлетуке. — В. Г.) для взаимной дружбы доброго коня, да подарил одним крымским ружьем под золотом». Князь Довлетука в день приезда гостя отправился в Малую Кабарду, «а означенный темиргойец остался в доме ево для ожидания по их обычаю за вышеписанный презент от него, Довлетуки, себе награждения дачею ясыря»⁷⁶. Таким образом у адыгов действовало правило, по которому хозяин никогда не должен был оставаться в долгу перед гостем, привезшим ему подарки.

⁷⁰ Н. Ф. Дубровин, Указ. раб., т. I, кн. I, стр. 77—78.

⁷¹ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 135.

⁷² J. S. Bell. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839, t. I, London, 1840, стр. 250.

⁷³ В действовавшем у адыгов еще в XIX в. обычае, согласно которому гость мог требовать у хозяина любой подарок, следует видеть не только выполнение правил гостеприимства, но и пережиток первобытной общности имущества.

⁷⁴ К. Ф. Сталь, Указ. раб., стр. 133.

⁷⁵ В. Даль, Толковый словарь, Издание 2-е, т. III, СПб., 1882, стр. 162.

⁷⁶ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1754 г., д. 6, л. 25.

Для того чтобы снабдить гостя подарками, адыгские князья нередко отправлялись в набег на соседние племена или же начинали собирать различные поборы и штрафы с подвластного им населения. Так, по сообщению бывших в Кабарде в мае 1753 г. майоров Ивана Барковского и Петра Татарова князь Джанбулат Кайтукин уехал на несколько дней «для взятъ штрафа с узденя Небр Кечюкина ко отдаче в презент приехавшему к нему, Джанбулату, в гости конаку — крымскому аге...»⁷⁷.

Но в первую очередь князья прибегали к праву брать у подвластного им населения, включая и лично свободных тфокотлей, все что было нужно для подарка гостю. Как сообщает А. А. Кучеров, адыгскому князю, согласно адату «издревле усвоенное право брать самопроизвольную у простого свободного народа покровительствуемых ими аулов понравившиеся их гостям или им самим что-либо из оружия и вещей или несколько лошадей, быков и баранов для подарков своим гостям...»⁷⁸.

Иногда в качестве «гостя с просьбою» к адыгскому князю приезжал князь другого адыгского племени или кто-либо из равных ему по значению горских феодалов. Приезд такого знатного гостя-кунака за подарками являлся поистине народным бедствием, так как ознаменовывался грабежами и набегами крупного масштаба. Вот что по этому поводу сообщается в «Описании кабардинского народа», составленном в мае 1748 г. в Коллегии иностранных дел: «И когда ис таковых их (т. е. кабардинских князей.— В: Г.) приятелей, которой... горской владелец оскудает или зговорит за себя невесту и на заплату за оную потребны бвдут ему ясыри⁷⁹, лошади и другой скот, и тогда таковой приезжает в Кабарду и живет при том владельце (т. е. кабардинском князе.— В: Г.), с которым прежде имел дружбу; и тот кабардинской владелец, почитая его своим гостем, от протчих всех кабардинцов онго охраняет и обще с ним по кабардинским жилищам чинит кражу; и когда того своего гостя краденными малолетними робята, скотом и протчим удовольствует, отпускает его от себя возвратно и провожает с своими узденями чрез все опасные места... Напротиву же того, когда и кабардинской владелец оскудает или жениться похочет, оной ездит на Кубань или в другие горские места и от приятеля своего таковым же краденым ясырем, скотом и протчим взаимно снабдевается»⁸⁰.

Приведенное описание показывает, что плоды дружбы горских феодалов были весьма горьки для их подданных.

Вообще следует подчеркнуть, что все тяготы гостеприимства горская феодальная знать перекладывала на плечи своих вассалов и крепостных. Знаменитые в горах Кавказа щедрость и хлебосоольство адыгских князей и первостепенных уорков дорого обходились адыгскому народу. Когда, например, к адыгскому князю приезжал почетный гость, то у князя-хозяина обычно останавливался лишь сам гость, а вся его огромная свита, включавшая нередко несколько десятков людей, располагалась на постой у других жителей данного аула, находившихся в той или иной форме феодальной зависимости от князя. То же происходило при приезде гостей к любому феодалу. Всегда сопровождавшие гостя слуги размещались у вассалов или крепостных хозяина.

Феодальные повинности, связанные с гостеприимством, были предусмотрены как обязательная норма обычным правом адыгов. Так, на-

⁷⁷ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1754 г., д. 6, л. 62 об.

⁷⁸ Ф. И. Леонтович, Указ. раб., вып. I, стр. 124.

⁷⁹ Невольники (примеч. подлинника).

⁸⁰ АВПР, ф. Кабардинские дела, 1748 г., д. 6, лл. 16 об.— 17.

пример, в обязанности кабардинских крепостных входило строить господину кунацкую, огораживать ее плетнем, производить ее ремонт, давать жилье и кормить за свой счет слуг гостя, приехавшего к их господину, а также кормить овсом и сеном коней, на которых приехали гость и его слуги, а если приезжала гостья на арбе, то — волов⁸¹. В обязанности адыгского уорка — *шаутлугуса*, являвшегося вассалом первостепенного уорка (*тлектлеша*), входило, в частности, во время приезда гостей к его сеньору прислуживать им в кунацкой, по требованию сеньора «одевать его гостей подарками» и т. д.⁸².

Гостеприимство за счет своих подвластных позволяло адыгским феодалам постоянно в неограниченном количестве принимать гостей, делать им щедрые подарки и самим пользоваться благами горского гостеприимства, посещая своих друзей и знакомых. Если учесть, что бездельничавшие горские феодалы значительную часть своего времени проводили в поездках, посещая в качестве гостей друг друга, то станет ясно, сколь обременительным для народных масс было гостеприимство их господ. Некоторые адыгские уорки всю свою жизнь существовали за счет гостеприимства. «В Адыгее много лентяев, особенно уорков, которые эксплуатируют гостеприимство хозяев и под разными предложениями переезжают из дома в дом, чтобы хорошо питаться самими и кормить своих лошадей за чужой счет»⁸³.

Таким образом, с развитием у адыгов феодальных отношений гостеприимство и куначество все более теряют свои архаические черты и перестраиваются на феодальный лад. Особенно важные изменения претерпел в феодальную эпоху обычай куначества. Являясь более поздней и сложной формой гостеприимства, куначество в условиях горского быта перерастает в своеобразный патронат, под патриархальной оболочкой которого осуществлялось стремление феодалов всеми способами увеличить число лично зависимых людей.

В изученных нами архивных документах XVIII в. термин «кунак»⁸⁴ употребляется чаще всего в смысле человека, ищущего покровительства и принятого под защиту. В этом отношении очень характерно, что на протяжении всего XVIII в. в прошениях кабардинских князей и уорков, адресованных местному русскому начальству, а также в высшие правительственные органы в Петербург, беглые кабардинские «холопы», принятые под защиту в русские укрепления на Кавказской линии, именуются «кунаками» (русских). Обычная формула таких прошений заключает жалобу на то, что беглые кабардинские крепостные и рабы принимаются «в кунаки» (иногда в русском переводе вместо этого выражения встречается слово — «в гости») и не выдаются обратно царскими властями.

Так, в письме князей и уорков Большой Кабарды к командующему войсками на Кавказской линии генерал-поручику П. С. Потемкину

⁸¹ Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, ф. 7, оп. 8, д. 26, лл. 13 об., 31—31 об.; ф. 416, оп. 3, д. 1051, л. 6; ф. 1083, оп. 2, д. 282, л. 51.

⁸² Государственный архив Краснодарского края, ф. 348, оп. 1, д. 8, л. 26.

⁸³ Th. Lapiński, Указ. раб., т. 1, стр. 43.

⁸⁴ Слово «кунак» (гость), вместо адыгского олова *хьэщ/э* (гость), первоначально распространилось среди русских через посредство тюркоязычных народов Северного Кавказа (прежде всего — кумыков и погайцев), язык которых был в фонетическом отношении более легким, чем язык адыгов и других горцев, принадлежавших к кавказской языковой семье. Кроме того, кумыки, погайцы, а также «служилые татары» из Поволжья и центральных областей России, часто бывали в XVIII в. посредниками и переводчиками в сношениях русских с адыгами и другими кавказскими горцами, которые в переписке с русским начальством нередко пользовались тюркским («татарским») языком.

(полученном 23 января 1783 г.) читаем (привожу русский перевод с «татарского»): «...притом имеем ваше высокопревосходительство просить: ис природных холопьев наших, равно ж и ис черных народов (точнее — из черного народа.— В. Г.), переходя в ваши крепости и наводятся (там.— В. Г.) канаками... Прикажите оных канаков ваших нам возвратить...»⁸⁵.

В письме к П. С. Потемкину князей Малой Кабарды (полученном 20 февраля 1783 г.) содержится аналогичная просьба: «уходящих от нас конаками к вам холопьев наших милостиво прикажите нам возвратить...»⁸⁶.

В марте 1783 г. уздени Большой Кабарды Анзор и Коншако обращаются к П. С. Потемкину с просьбой вернуть двух «холопьев», которых «живущие у вас черкесы (имеются в виду кабардинцы, поселившиеся за Кавказской линией.— В. Г.) приняли(к) себе в конаки»⁸⁷.

2 апреля 1783 г. пристав Большой Кабарды А. Е. Ураков в рапорте П. С. Потемкину сообщал, что в его лагерь на р. Малке бежали 13 кабардинских «холопов», «которые, явись здесь, у меня требовали позволения, чтоб дозволить им жить под названием кунаков: десяти у узденя Каплана, а троим в Моздоке...»⁸⁸.

24 мая 1783 г. А. Е. Ураков сообщил П. С. Потемкину (из лагеря на р. Баксане), что отказавшиеся повиноваться князьям Большой Кабарды «подвластные, называемые бегаулья»⁸⁹, «все от них отошли и севодни в полночь от них (т. е. „бегаульев“.— В. Г.) двое ко мне были присланы со объявлением, что оне, отошедь от своих владельцев, пока оне (т. е. „владельцы“.— В. Г.) не зделают им удовольствия, останутся моими канаками и перекочуют поблизости к моему лагерю»⁹⁰.

В августе 1784 г. крупный ногайский феодал мурза Ислам Мусин, живший на Кубани, жалуется П. С. Потемкину, что у него находятся «конаками» некоторые абазинцы, которых обижают и притесняют кабардинские князья, называя этих абазинцев «своими» (кунаками)⁹¹.

Из приведенных примеров видно, что под термином кунаки скрывались люди, прибегавшие под покровительство — патронат.

Существо адыгского патроната, по описанию Хан-Гирея, заключалось в следующем: «По введенному в Черкесии обыкновению, слабый человек, находя свое положение опасным, ограждает себя посредством покровительства могущественной особы таким образом: он является к лицу сильному властью, знатностию рода, обстоятельствами и поручает себя, свое семейство и все достояние его покровительству, в чем ему и не отказывают никогда, ибо несоблюдающие обыкновения оказывать защиту просящему наносят тем собственному своему достоинству величайшее посрамление в мнении народа... Лицо же, принятое под защиту, поступает уже под покров гостеприимства на правах гостя, точно так же, как мы выше сего это описали относительно гостя и гостеприимства»⁹². Адыг, поступивший под покровительство, жил по большей части в ауле своего покровителя, что умножало число его подвластных, оказывавших ему разного рода услуги. Некоторые из покровительствуемых лиц могли проживать и в другом ауле или даже племени, но

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XXIII, д. 13, ч. III, л. 26 об.

⁸⁶ Там же, д. 13, ч. IV, л. 150.

⁸⁷ Там же, л. 356.

⁸⁸ Там же, д. 13, ч. IV, л. 257.

⁸⁹ Так назывался в Кабарде особый разряд княжеских крепостных.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. XXIII, д. 13, ч. IV, л. 449.

⁹¹ Там же, д. 13, ч. IX, л. 283.

⁹² «Записки о Черкесии, сочиненные Хан-Гиреем», ч. II, лл. 113 об.—114.

считались состоящими под защитой своего патрона, обеспечивая тем самым себя от произвола и самовластья тамошних феодалов. В результате вступления под покровительство обе стороны получали определенные выгоды: «покровительствуемый приобретает сильную подпору, а покровитель, в случае обид, нанесенных его клиенту, имеет право взыскивать значительный штраф, право, которое должно почитать одним из важнейших преимуществ князей и они пользуются им с особенной готовностью; оно доставляет им вещественные выгоды...»⁹³.

Очевидно, что адыгский патронат непосредственно примыкает к куначеству. Недаром лица, вступавшие под покровительство такого рода, в архивных источниках XVIII в. именуются «кунаками». Но это, конечно, уже не те кунаки, которых можно рассматривать как равноправных друзей-приятелей. Один из таких «кунаков» явно превратился в *патрона*, другой «кунак» стал его *клиентом*. Эти условно применяемые нами термины, восходящие к древнему Риму, скрывали за собой в Черкесии феодальные отношения, аналогичные тем, которые складывались в средневековой Европе в результате акта коммэндации. Подобно тому, как это было в период становления феодальных отношений в Западной Европе, адыгский простолюдин (тфокотль) вынужден был поручать себя (коммендировать) опеке знатного человека, становившегося его сеньором и требовавшего, взамен оказываемого покровительства, выполнения ряда вассальных обязанностей⁹⁴. В адыгских условиях эти отношения, по своей природе уже вполне феодальные, маскировались формой патриархального гостеприимства. Поступавший под покровительство человек рассматривался по традиции как «гость», хотя по существу с ним ничего общего не имел. Да и весь этот обычай, хотя и унаследовал некоторые черты гостеприимства (покровительства хозяина гостю), но в действительности был весьма далек от своего первоначального, возникшего в условиях родоплеменного быта, источника.

Полностью трансформировались в куначестве-патронате и отношения, свойственные ранним формам куначеских дружеских связей. О взаимности былых услуг теперь можно было говорить весьма условно, так как характер этих услуг у каждого из вступающих в такой союз был принципиально отличен. Находясь на разных социальных полюсах, один из «кунаков» представлял господствующий класс, полноправного и влиятельного члена общества, могущего взять на себя функции покровителя во всех общественных делах; другой из «кунаков» был, наоборот, слаб и беспомощен и мог предложить взамен покровительства, в котором он крайне нуждался, лишь свой личный труд, т. е. такого рода услуги, которые в феодальном обществе считаются несовместимыми с положением «благородного» человека.

«Кунак»-покровитель иногда оказывал пришедшему к нему «в кунаки» человеку материальную помощь, снабжал его скотом, сельскохозяйственными орудиями и т. д., но как правило «кунак»-покровитель не столько давал, сколько брал. Свое покровительство он превращал в источник дохода не только тогда, когда пользовался услугами покровительствуемого «кунака», но и тогда, когда, защищая своего клиента,

⁹³ Хан-Гирей, Бесльный Абат (Из сочинений под заглавием: «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов и преданий»), Сборник газеты «Кавказ», 1847 год, Второе полугодие, Тифлис, 1848, стр. 147.

⁹⁴ Эта историческая аналогия может быть подкреплена ссылкой на обряд, которым сопровождался обычно в Черкесии акт вступления под покровительство. Ищущий покровительства, по словам Хан-Гирея, являлся к лицу, покровительством которого он хотел заручиться, и, коснувшись рукою полы его платья, произносил: «отдаюсь под твое покровительство и пр.» (Хан-Гирей, Бесльный Абат, стр. 147).

взыскивал с лиц, виновных в обиде его «кунака», штрафы в свою пользу. Для адыгских князей, например, защита «кунака»-клиента была весьма прибыльным делом: чем сильнее обижали его «кунака», тем больше дохода получал князь, имевший по обычаю право на самые высокие пени. При этом князь, вступаясь за своего клиента-«кунака», как правило, сам ничем не рисковал, так как согласно обычному праву адыгов его личность была неприкосновенной для всех остальных соплеменников.

Обычай куначества-патроната сыграл значительную роль в установлении феодальных отношений у горцев Кавказа и, особенно, у адыгов, которые в своем социально-экономическом развитии в XVI—XVIII вв. опередили многие соседние народы (осетин, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, абазинцев).

С появлением куначества-патроната произошло значительное изменение в политическом положении свободного крестьянства (у адыгов — тфокотля), которое теперь все более искало покровительства феодалов. Конечно, предпосылки этому были созданы в области экономических отношений и, прежде всего, в результате распада первобытнообщинных отношений и образования класса могущественных землевладельцев (у адыгов — князья и первостепенные уорки). Но экономическая форма подчинения теперь была дополнена личной зависимостью, возникавшей в результате особого типа куначеских связей, который мы предлагаем именовать патронатом. Институт куначества-патроната, занявший в обычном праве горцев весьма важное место, юридически санкционировал потерю многими рядовыми общинниками их прежней свободы, ибо любая форма куначества-патроната означала, что свободный человек спускался по крайней мере на одну ступень ближе к несвободному, образуя новые контингенты феодально-зависимого крестьянства.

Куначество-патронат, выступавшее под флагом гостеприимства и патриархального покровительства, было особенно удобной для феодалов формой закрепощения горского крестьянства. В данном случае горским феодалам не нужно было прибегать к насилию и борьбе со свободолюбивыми соплеменниками. Последние сами, так сказать «добровольно», шли в приготовленную для них ловушку. Правда, у обездоленного, ищущего убежища и защиты горца часто и не было другого выхода как или потерять все и погибнуть самому, или пойти «в кунаки» и спасти себя, свою семью и свое имущество. Естественно, что при такой альтернативе куначество представлялось лучшим выходом из положения, хотя оно и несло свободному человеку потерю его прежней самостоятельности.

Трудно подробно перечислить, какие причины толкали свободного горца идти «в кунаки», т. е. вступать под покровительство. Укажем только, что здесь могли быть и притеснения, и угроза закрепощения, и необходимость спастись от наказания за совершенное преступление, в особенности за убийство (кровники, спасаясь от кровной мести, очень часто шли «в кунаки» к феодалам соседних племен). Таким образом, «добровольность» здесь по существу отсутствовала, а действовала неумолимая сила обстоятельств, ставившая данное лицо перед жестокой необходимостью идти «в кунаки». Но даже в тех случаях, когда горец поступал «в кунаки» без видимых конкретных причин, находясь в состоянии относительного благополучия, — это была по существу профилактическая мера, которой данное лицо, чувствуя себя недостаточно прочно, хотело обеспечить свою безопасность на будущее.

Часто судебная тяжба с более сильным противником или лицом, имевшим сильного покровителя, вынуждала идти «в кунаки». В усло-

виях феодальной Черкесии, где действовало «кулачное право», нельзя было рассчитывать на выигрыш какого-либо спорного судебного дела без приискания соответствующего покровителя. Поэтому всякий горец, имевший тяжбу и сомневавшийся в ее исходе, старался заручиться поддержкой влиятельного лица.

Таким образом, общая обстановка, существовавшая в Черкесии и на всем Северном Кавказе до окончательного установления русского управления, весьма способствовала распространению куначества-патроната, а следовательно, и связанных с ним форм феодальных отношений.

SUMMARY

In the 18th century and in the first half of the 19th century the hospitality for which the peoples of the Caucasus are renowned, was a social institution of a highly intricate character. It can be graphically illustrated with the help of ethnological material about the Adyghe (Circassians). The key feature of hospitality as it was practised among the highlanders of the Caucasus—and especially among the Adyghe (Circassians)—was as follows: a stranger had the right to stay as a guest in any house, with the master of the house obliged not only to give him a cordial reception but also to guarantee his personal security (even if the guest was an outlaw or the master's enemy).

The kunak custom was the next stage in the development of hospitality. Under this custom, the master of the house had to give protection and support to his kunak (a guest who was a close acquaintance, often a friend) both within his house and throughout the area occupied by his tribe. With the evolution of feudal relations among the Adyghe, hospitality and the kunak custom took on some fundamentally new features. The feudal aristocracy entirely shifted on their vassals and serfs the burdens which hospitality involved. The kunak custom turned into a specific form of patronage, the free highlanders who became the kunaks of the Adyghe nobility, were reduced to feudal dependence on the latter.
